

Д.В. Гусев

**Антропологические воззрения Блаженного
Августина в связи с учением пелагианства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Д11

Д11 **Д.В. Гусев**
Антропологические воззрения Блаженного Августина в связи с учением пелагианства / Д.В. Гусев – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 66 с.

ISBN 978-5-518-07197-1

Православный собеседник, 1876, II, с. 271–334.

ISBN 978-5-518-07197-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

мающая, сохраняющая и поддерживающая въ человѣкѣ божественную благодать. Въ этомъ общемъ своемъ видѣ христіанское ученіе о свободѣ и благодати было одинаково — какъ въ восточной, такъ и въ западной Церкви. Но въ дальнѣйшемъ его раскрытіи, именно — въ вопросѣ о *степени* участія свободы и благодати въ дѣлѣ человѣческаго спасенія, уже съ самыхъ первыхъ временъ христіанства существовало нѣкоторое различіе между ученіемъ западной Церкви и ученіемъ Церкви восточной. На Западѣ, — подъ вліяніемъ сильно развившагося представленія о крайней испорченности человѣческой природы вслѣдствіе перваго грѣхопаденія, о глубокой нравственной поврежденности всѣхъ психическихъ силъ падшаго человѣка, въ томъ числѣ и свободы, — преобладающее участіе въ дѣлѣ человѣческаго спасенія всегда приписывалось божественной благодати, чудесной и сверхъ-естественной помощи человѣку со стороны Бога. Между тѣмъ, на Востокѣ, — подъ вліяніемъ продолжительной борьбы съ гностицизмомъ, отрицавшимъ человѣческую свободу и ставившимъ нравственную дѣятельность человѣка въ исключительную зависимость отъ естественной необходимости, — мало по малу долженъ былъ выработаться, и выработался дѣйствительно, другой, болѣе свѣтлый взглядъ — какъ вообще на прирожденныя психическія силы человѣка, такъ и въ особенности на человѣческую свободу, въ ихъ отношеніи къ дѣлу человѣческаго спасенія. Вполнѣ признавая значеніе благодати въ дѣлѣ спасенія, восточные церковные писатели весьма замѣтно выдвигали при этомъ и человѣческую свободу, считая благодать не дѣйствительною при совершеніи спасенія безъ внутренняго, свободнаго расположенія къ ней со стороны человѣка; а нѣкоторые изъ восточныхъ писателей, напр. александрійскіе церковные писатели — Климентъ и Оригенъ, изъ противодѣйствія современнымъ гностическимъ теоріямъ были положительно расположены приписывать главное участіе въ дѣлѣ человѣческаго спасенія больше

человѣческой свободѣ, чѣмъ божественной благодати ⁽¹⁾. Такъ какъ строго-опредѣленнаго и общеобязательнаго ученія церкви о данномъ вопросѣ еще не было, то можно было ожидать, что рано или поздно крайнее и одно-стороннее развитіе какого-нибудь одного изъ указанныхъ направленій въ ученіи о свободѣ и благодати, или восточнаго или западнаго, необходимо произведетъ столкновеніе между обоими направленіями, и будетъ причиною сильныхъ догматическихъ споровъ по данному вопросу, т. е. по вопросу о степени участія въ дѣлѣ человѣческаго спасенія божественной благодати и человѣческой свободы. Такъ дѣйствительно и случилось. Въ III-мъ вѣкѣ гностическій взглядъ на нравственную дѣятельность человѣка, какъ на результатъ естественной необходимости, возобновился въ манихействѣ и достигъ самой послѣдней степени своего развитія. Въ продолженіе IV вѣка этотъ гностически-манихейскій взглядъ, отрицавшій всякое значеніе свободы въ нравственной дѣятельности человѣка, вмѣстѣ съ общимъ ученіемъ манихейства съ Востока распространился и по всему Западу, особенно въ Италиі и Африкѣ, гдѣ манихеи успѣли привлечь на свою сторону многочисленныхъ послѣдователей. И вотъ, какъ противодѣйствіе манихейской теоріи о нравственной дѣятельности человѣка, въ началѣ V-го вѣка является *пелагианство*, первымъ основателемъ и представителемъ котораго былъ британскій мръянинъ—аскетъ *Пелагій* ⁽²⁾, — человѣкъ,

(1) Въ ученію Пелагія на первыхъ порахъ несравненно строже отнеслись на Западѣ, чѣмъ на Востокѣ. До тѣхъ поръ, пока ученіе Пелагія не сдѣлалось извѣстнымъ на Востокѣ во всѣхъ его подробностяхъ и со всеми его крайними выводами, Пелагій считался тамъ человѣкомъ православнаго образа мыслей, и два раза былъ оправдываемъ на соборахъ іерусалимскомъ и діоспольскомъ (415 г.), на которыхъ засѣдали исключительно палестинскіе епископы, большею частію находившіеся подъ вліяніемъ александрійской школы. Ученіе Пелагія было осуждено уже на третьемъ вселенскомъ соборѣ, послѣ того какъ оно нѣсколько разъ было осуждено западными соборами.

(2) Біографич. замѣчанія о Пелагій, о его воспитаніи и нравственномъ характерѣ можно видѣть у *Витерса*, Versuch einer pragmatischen

исключительно воспитавшийся на твореніяхъ восточныхъ церковныхъ писателей, преимущественно—александрійской школы.—своимъ ученіемъ о нравственномъ совершенствѣ настоящей, падшей человѣческой природы и о полнѣйшей удовлетворительности и состоятельности естественныхъ, прирожденныхъ силъ человѣка для достиженія имъ своего спасенія думавшій преобразовать современное ему христіанское общество на Западъ, которое, въ оправданіе своихъ нравственныхъ недостатковъ, ссылалось обыкновенно на глубокую испорченность и поврежденность человѣческой природы послѣ грѣхопаденія ⁽¹⁾. Этотъ человѣкъ развилъ восточное ученіе о человѣческой свободѣ и объ ея участіи въ дѣлѣ спасенія до самой крайней степени, и почти совершенно отвергъ—не только какое-нибудь значеніе въ дѣлѣ спасенія человѣка, но и самый фактъ божественной благодати, какъ особаго, внутренняго и сверхъ-естественнаго дѣйствія Бога на человѣка. Ученіе Пелагія было потомъ развито и приведено въ болѣе или менѣе цѣльную и послѣдовательную систему двумя самыми ревностными и горячими его учениками и послѣдователями—*Целестіемъ* и *Юліаномъ*, еп. экланскимъ ⁽²⁾. Сущность пелагіанской доктрины ⁽³⁾ приблизительно состоитъ въ слѣдующемъ.

Darstellung des Augustinismus und Pelagianismus, th. I, s. 33—38,— затѣмъ—у *Bandemana*, *Der heilige Augustinus*, Band III, Abth. I, — и наконецъ—въ «Православн. Обзорѣнн» за 1866 г., т. 19, стр. 374—380.

⁽¹⁾ Pelagii epistola ad Demetrialem de virginitate. Прав. Обзор. за 1866 г., т. 19, стр. 368—374.

⁽²⁾ Біографич. замѣчанія о Целестіѣ и Юліанѣ можно читать у *Витерса*, *Augustinismus und Pelagianismus*, th. I, s. 33—47.—у *Биндемана*, *Der h. Augustinus*, B. III, Abth. 1, s. 356,— Abth. 2, s. 516—518.—и въ «Прав. Обзор.» за 1866 г., т. 19.

⁽³⁾ Пелагіанское ученіе излагается частію въ собственныхъ сочиненіяхъ главныхъ представителей пелагіанства, — изъ которыхъ впрочемъ до насъ только сочиненія одного Пелагія, а сочиненія Целестія и Юліана сохранились только въ отрывкахъ,— частію въ антипелагіанскихъ сочиненіяхъ Августина.

Первобытное состояніе человѣка въ раю существенно ничѣмъ не отличается отъ нашего настоящаго состоянія,—не отличается ни по тѣлу, ни по душѣ. Адамъ и до своего грѣхопаденія точно также подлежалъ тѣлесной смерти, какъ подлежимъ ей и мы; онъ умеръ бы все равно—согрѣшилъ ли бы онъ, или не согрѣшилъ ⁽¹⁾. Смерть человѣка есть вполне естественное явленіе, и человѣкъ смертенъ не въ наказаніе за первородный грѣхъ (proanaliter), а по закону природы (naturaliter) ⁽²⁾. Всѣ болѣзни, которыя постигаютъ людей въ ихъ настоящемъ состояніи, были присущи и человѣку первобытному ⁽³⁾. Нравственныя силы первобытнаго человѣка, разумъ и воля, были также ограничены, какъ онѣ ограничены и теперь,—хотя Адамъ, если бы захотѣлъ, могъ бы быть безгрѣшнымъ ⁽⁴⁾. Первобытному человѣку, какъ и намъ, въ полной степени присуща была даже похоть и вождельніе (concupiscentia) ⁽⁵⁾. Единственное преимущество Адама предъ нами состоитъ только въ томъ, что онъ не имѣлъ предъ собою никакого примѣра грѣха, которому онъ могъ бы подражать и которымъ онъ могъ бы увлекаться,—но это—чисто внѣшнее преимущество. *Грѣхъ* Адама вмѣняемъ только ему одному, и ни мало не вмѣняемъ его потомкамъ ⁽⁶⁾. О такъ называемой *наслѣдственности* или *прирожденности* грѣха не можетъ быть и рѣчи. Естественная передача грѣха путемъ наслѣдственности

⁽¹⁾ Augustin., Opus imperfectum, lib. VI. cap. 27.

⁽²⁾ Op. imp., lib. III, cap. 136. Слова книги Бытія—«въ оныѣ еще день съѣсте отъ него, смертію умрете» (II, 17), и—«земля еси и въ землю отыдеши» (III, 19)—Юліанъ экланскій относилъ не къ тѣлесной, а исключительно къ духовной смерти Адама, къ его грѣховному состоянію послѣ паденія. Opus imperfectum, lib. VI, cap. 27.

⁽³⁾ Op. imperf., II, 236.

⁽⁴⁾ August., De gestis Pelagii, cap. II; De nat. et grat., cap. 43.

⁽⁵⁾ Op. imperf., III, 212; VI, 16.

⁽⁶⁾ Augustin., De peccatorum meritis et remissione, lib. III, cap. 3, De natura et gratia, cap. 30; Opus imperf., II, 42.

или рожденія (peccatum ex traduce), распространеніе его отъ Адама на всѣхъ его потомковъ, есть совершенно ложное представленіе, предполагающее въ своей основѣ мысль, что будто-бы души людей распространяются путемъ естественнаго рожденія одной души отъ другой ⁽¹⁾. Означенное представленіе противорѣчитъ, во первыхъ, самому понятію о грѣхѣ, который есть только чисто личное, индивидуальное дѣло, актъ свободной воли каждаго человѣка въ отдѣльности, а не есть что-либо прирожденное, субстанціальное въ человѣческой природѣ.—во вторыхъ, противорѣчитъ безконечной благодати и милосердію Божію, по которымъ Богъ, если уже прощаетъ наши личные грѣхи, то тѣмъ болѣе не можетъ вмѣнять намъ чужіе грѣхи, каковъ напр. грѣхъ Адама ⁽²⁾. Такимъ образомъ, *паденіе* перваго человѣка *не произвело* и не могло произвести никакой *существенной перемѣны* въ состояніи человѣка; наша природа и послѣ паденія Адама осталась цѣлою и неповрежденною; образъ Божій не помрачился и не затемнился въ насъ влѣдствіе грѣха перваго человѣка; нашъ разумъ и теперь способенъ постигать предметы съ такою же ясностію, какъ и разумъ Адама; наша воля не имѣетъ преобладающаго направленія ни къ добру, ни ко злу, какъ и воля первобытнаго человѣка; человѣкъ можетъ и грѣшнить и не грѣшнить, если захочетъ, и можетъ достигать состоянія святости одними только собственными, естественными силами—не только въ іудействѣ и христіанствѣ, но даже и въ язычествѣ ⁽³⁾. Однимъ словомъ, то состояніе, въ которомъ мы рождаемся, есть состояніе полной невинности, такое же состояніе, въ какомъ и Адамъ вышелъ изъ рукъ своего Творца ⁽⁴⁾. Единственное вредное слѣдствіе для насъ

⁽¹⁾ De peccat. mer. et remiss., lib. III, cap. 3.

⁽²⁾ De peccat. merit. et remiss., III, 13; Op. imperf., VI, 21.

⁽³⁾ De nat. et grat., cap. 21; Contr. Julian, lib. III, cap. 4; Op. imp., I, 54; III, 117; V, 48.

⁽⁴⁾ Ibid.

отъ грѣха Адама—это дурной примѣръ, который люди получили въ этомъ грѣхѣ, и которому они слѣдовали и слѣдуютъ; но это слѣдствіе имѣеть только чисто внѣшній характеръ, и можетъ быть устранимо одними собственными усиліями человѣка. Въ силу того, что состояніе, въ которомъ мы рождаемся, есть состояніе полной невинности, въ какомъ находился и Адамъ до своего паденія, *крещеніе младенцевъ* вовсе не имѣеть того значенія, которое обыкновенно ему приписывается,—т. е. значенія отпущенія грѣха первороднаго. Такъ какъ младенцы не имѣютъ вообще никакихъ грѣховъ, ни первороднаго, не произвольныхъ,—то крещеніе ихъ, сообразно съ ученіемъ Спасителя—„аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе“ (Іоанн. III, 5), сообщаетъ имъ только право на участіе въ царствѣ Божіемъ, въ царствѣ вмѣстѣ со Христомъ Спасителемъ (¹). Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т. е. чтобы имѣть право на царство небесное, *regnum coelorum*, которое есть самая высшая степень блаженства въ будущей жизни, крещеніе младенцевъ необходимо; но низшей степени блаженства, именно—вѣчной жизни, *vita aeterna*, человѣкъ можетъ достигнуть и безъ крещенія, и въ этомъ отношеніи крещеніе младенцевъ не необходимо (²). Представляя, такимъ образомъ, настоящее состояніе человѣка состояніемъ первобытнаго относительнаго совершенства, а его естественныя, прирожденныя силы цѣлыми и неповрежденными, представители пелагианства естественно пришли къ мысли, что человѣкъ самъ, одними только собственными средствами и силами, можетъ достигнуть спасенія, и что это спасеніе единственно и исключительно должно завистъ отъ его собственной свободной воли и отъ его собственной нравственной дѣятельности. А отсюда они точно также естественно пришли къ отрицанію всякаго

(¹) Op imperf., III, 151; V, 9.

(²) Ibid

участія въ дѣлѣ спасенія *божественной благодати*, какъ особаго, внутренняго и сверхъ-естественнаго дѣйствія Бога на человѣка, какъ особой, высшей божественной помощи человѣку при совершеніи имъ своего спасенія. Но при этомъ совершенно исключить изъ своей системы представленіе о благодати пелагіане все-таки не могли, пот. что ученіе о благодати было внутренне связано съ самыми существенными и основными пунктами христіанскаго ученія. Вслѣдствіе этого, они должны были допустить ученіе о благодати,—но представляли ее совершенно въ другомъ смыслѣ. чѣмъ въ какомъ представляла и представляет ее церковь. Подъ благодатію они разумѣли, во первыхъ, всѣ естественныя, природныя дары, данныя человѣку при твореніи,—разумѣли всю вообще природу человѣка, и въ особенности его свободную волю, *liberum arbitrium* ⁽¹⁾; во вторыхъ, подъ благодатію, въ смыслѣ божественной помощи, они разумѣли божественное Откровеніе—какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ,—законъ Моисеевъ—съ одной стороны, ученіе и правдивый примѣръ І. Христа—съ другой ⁽²⁾. Впослѣдствіи, въ своей полемикѣ съ Августиномъ, пелагіане нѣсколько уклонились отъ своего первоначальнаго ученія о благодати, и согласились признать нѣкоторое особое, внутреннее содѣйствіе Бога человѣку въ дѣлѣ спасенія ⁽³⁾; но и въ этомъ случаѣ все-таки они далеко расходились съ чисто церковнымъ ученіемъ о благодати. Они, во первыхъ, не при-

(1) Самое замѣчательное мѣсто, гдѣ выражается этотъ взглядъ Пелагія на благодать, слѣдующее: «*Primo loco posse statuimus, secundo velle, tertio esse. Posse in natura, velle in arbitrio, esse in effectu locamus. Primum illud, id est posse, ad Deum proprie pertinet, qui illud creaturae suae contulit; duo vero reliqua, hoc est velle et esse, ad hominem referenda sunt, qui de arbitrii fonte descendunt. Ergo in voluntate et opere bono laus hominis est, immo et hominis et Dei, qui ipsius voluntatis et operis possibilitatem dedit quique ipsam possibilitatem gratiae suae adjuvat auxilio.* De grat. Christi, cap. 4.

(2) De grat. Chr., cap. 4, 10.

(3) De grat. Christ., cap. 7, 10, 41.

знавали этого внутренняго содѣйствія Бога человѣку безусловно необходимымъ для человѣка, — человѣкъ и безъ этого содѣйствія можетъ достигать состоянія святости ⁽¹⁾; а во вторыхъ, они ставили это содѣйствіе въ полнѣйшую зависимость отъ собственныхъ заслугъ человѣка, и совершенно отрицали, чтобы оно сообщалось человѣку туне, безъ всякихъ съ его стороны заслугъ ⁽²⁾. Однимъ словомъ, по смыслу пелагіанской системы, и начало, и продолженіе, и окончаніе человѣческаго спасенія вполне и исключительно зависятъ отъ самого человѣка и отъ его свободнаго произволенія, *liberum arbitrium*. Сообразно съ такимъ ученіемъ о благодати и собственной, свободной дѣятельности человѣка, въ пелагіанской системѣ не могло быть и рѣчи о вѣчномъ и *безусловномъ* божественномъ *предъопредѣленіи* однихъ къ вѣчному спасенію, а другихъ къ вѣчному осужденію; такое предъопредѣленіе противорѣчило всему существу пелагіанской доктрины. По ученію Пелагія и его послѣдователей ⁽³⁾, Богъ, какъ существо всевѣдущее, отъ вѣчности видитъ и знаетъ будущіе поступки и заслуги каждаго человѣка, и, на основаніи этого своего предвѣдѣнія, сообразуясь съ будущею нравственно-свободною дѣятельностію людей, отъ вѣчности же предъопредѣляетъ добрыхъ къ вѣчному блаженству, а злыхъ къ вѣчному мученію.

Пелагіанская доктрина, — почти совершенно отвергнувшая чудесный, сверхъ-естественный элементъ въ дѣлѣ человѣческаго спасенія, и поставившая это дѣло въ исключительную зависимость отъ самого человѣка и отъ его собственной, нравственно-свободной дѣятельности, — какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтила себѣ сильное и рѣшительное противодѣйствіе въ западной Церкви, какъ потому, что она противорѣчила вообще

⁽¹⁾ De grat. Chr., cap. 26.

⁽²⁾ De grat. Chr., cap. 31; Contr. Julian., lib. IV, cap. 3.

⁽³⁾ De praedestinatione sanctorum, cap. 18, 19.

христіанству, его главнымъ и существеннымъ основамъ, такъ и потому, что она составляла совершеннѣйшую противоположность въ частности христіанскому ученію о благодати и объ ея участи въ дѣлѣ человѣческаго спасенія, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ существовало это ученіе на Западѣ. Главнымъ противникомъ пелагіанства является бл. *Августинъ*, самый даровитый и самый замѣчательный изъ тогдашнихъ представителей западной Церкви,—человѣкъ, собственнымъ опытомъ убѣдившійся въ глубокой нравственной испорченности человѣческой природы въ ея настоящемъ, падшемъ состояніи.—въ свое время пережившій сильную внутреннюю борьбу между высшими и низшими, между добрыми и порочными склонностями и стремленіями своей природы, и вышедшій побѣдителемъ изъ этой борьбы единственно при помощи божественной благодати,—однимъ словомъ—человѣкъ, на себѣ самомъ испытавшій полнѣйшую несостоятельность всего того, чему учило и о чемъ проповѣдывало современное ему пелагіанство ⁽¹⁾. Отсюда понятно, почему Августинъ сдѣлался такимъ горячимъ, такимъ сильнымъ и неутомимымъ противникомъ новаго ученія, посвятивши на литературную борьбу съ нимъ всѣ послѣдніе годы своей жизни, съ 412-го, времени перваго появленія пелагіанства, и до 430 года, времени своей смерти ⁽²⁾. Въ

(1) Такимъ именно представляется Августинъ въ своей «Исповѣди».

(2) Самое первое полемическое произведеніе Августина противъ пелагіанства составляетъ его сочиненіе—*De peccatorum meritis et remissione*, написанное имъ въ 412 году, въ немъ Августинъ доказываетъ, что тѣлесная смерть не есть явленіе нормальное, естественное, а есть только наказаніе за грѣхъ перваго человѣка, — что первородный грѣхъ переходить къ потомкамъ Адама не чрезъ подражаніе, какъ учили пелагіане, а передается имъ путемъ естественнаго рожденія, и что, вслѣдствіе этого, для отпущенія первор. грѣха крещеніе младенцевъ необходимо. Въ дополненіе къ этому своему сочиненію, въ томъ же 412 г. Августинъ написалъ другое сочиненіе подъ заглавіемъ — *De spiritu et littera*, въ которомъ онъ доказываетъ, вопреки пелагіанамъ, что для совершенія добра необходима сверхъестественная благодать Божія, и что безъ высшаго божественнаго содѣйствія человѣкъ не въ состояніи ис-

борьбѣ своей съ пелагианствомъ Августинъ мало по малу пришелъ къ выводамъ и положеніямъ, которые представляютъ совершеннѣйшую противоположность пелагианской доктринѣ—какъ въ главныхъ, такъ и во всѣхъ

полнить заповѣдей Божіихъ. Въ 413 г. противъ книги Пелагія—*De natura* Августинъ написалъ сочиненіе—*De natura et gratia*, въ которомъ пунктъ за пунктомъ опровергаетъ всѣ положенія Пелагія, и доказываетъ, что первоначально чистая человѣч. природа испортилась вслѣдствіе грѣхопаденія Адама, такъ что теперь потомки Адама находятся не въ состояніи природы чистой, *in statu naturae purae*, а въ состояніи природы испорченной и поврежденной, *in statu naturae depravatae*, — и что вслѣдствіе этого они нуждаются въ освящающей и подкрѣпляющей божественной благодати. Въ концѣ 413 г. противъ ученія Целестія о томъ, что человѣкъ и безъ благодати можетъ достигать состоянія праведности и святости, Августинъ написалъ сочиненіе—*De perfectione justitiae hominis*. По поводу іерусалимскаго и діоспольскаго соборовъ въ Палестинѣ (415 г.), на которыхъ Пелагій былъ оправданъ, въ 417 г. вышло въ свѣтъ новое сочиненіе Августина подъ заглавіемъ — *De gestis Pelagii*, гдѣ Августинъ ясно показываетъ, что палестинскіе епископы двусмысленными объясненіями Пелагія были введены въ заблужденіе относительно настоящаго, подлиннаго смысла его ученія, и что только вслѣдствіе этого они сдѣлали о немъ благопріятный отзывъ. Чтобы разоблачить истинный смыслъ ученія Пелагія о благодати, такъ какъ Пелагій старался замаскировать свое ученіе и примирить его съ ученіемъ Церкви, Августинъ въ 418 г. написалъ самое главное и лучшее изъ своихъ антипелагианскихъ сочиненій—*De gratia Christi et de peccato originali*. Съ 419-го года начинается полемика Августина съ третьимъ и самымъ даровитымъ представителемъ пелагианства — Юліаномъ, еп. экланскимъ. Въ этомъ году Августинъ написалъ свою первую книгу—*De nuptiis et concupiscentia*, въ которой онъ защищается противъ обвиненій Юліана въ томъ, что будто онъ, Августинъ, своимъ ученіемъ о первородномъ грѣхѣ и прирожденной порчѣ человѣка проповѣдуетъ манихейство и унижаетъ христіанское таинство брака. Когда, затѣмъ, Юліанъ противъ этой книги Августина написалъ своихъ четыре книги, то Августинъ, получивши это сочиненіе Юліана только въ краткомъ извлеченіи, посѣвшилъ опровергнуть его, и такъ образ. явилась его вторая книга — *De nuptiis et concupiscentia*. Далѣе, въ 420 г. противъ двухъ посланій Юліана къ римскому и вессалоникскому епископамъ, съ обвиненіями противъ Августина, Августинъ написалъ сочиненіе—*Contra duas epistolas Pelagianorum*, и отправилъ его рим. еп. Бонифацію I-му. Вскорѣ послѣ этого Августину удалось получить означенные четыре книги Юліана въ полномъ и цѣломъ ихъ видѣ, и вотъ въ 421 г. онъ пишетъ новое сочиненіе—*Contra Julianum Libri VI*, въ которомъ онъ весьма подробно и обстоятельно опровергаетъ ученіе Юліана и вообще пелагианское ученіе.